

Столь ответственное заявление, приравнивающее творчество французского кинорежиссера Жана-Люка Годара к самой сокровенной сути искусства, сделал в 1965 году не восторженный юнец и не кликушествовавшая дамочка, а небезызвестный Луи Арагон, не бросавший слов на ветер. Сказано это было после просмотра Арагоном новейшей (тогда) картины Годара "Безумный Пьеро". Сегодня, хотя и с большим опозданием, с этим фильмом наконец можем познакомиться и мы. И не только с этим... В недавно открывшемся вильнюсском киноцентре (кинотеатр "Планета") идет ретроспектива Годара из 14 фильмов, достаточно полно передающая особенности творчества этого уникального мастера мирового кино, его эволюцию.

Годар - один из зачинателей некогда нашумевшей французской "новой волны", к высшим достижениям которой, несомненно, принадлежит дебют режиссера "На последнем дыхании" (1959). Те картины, несмотря на солидный возраст, и сегодня привлекают спонтанностью, свежестью, стремлением молодых, отнюдь не идеальных героев к своеобразно понятой ими свободе. (До чего потом обуржуазился популярный актер Жан-Поль Бельмондо можно понять, лишь

увидев его в роли Мишеля в этом давнем фильме).

Ярая антибуржуазность Годара, его нетерпимость ко всему, что мешает человеку "жить своей жизнью" (так называлась одна из ранних его лент, к сожалению, не попавшая в ретроспективу), - пусть с точки зрения буржуа, неправедной, постыдной, но своей жизнью, не поддающейся ника-

кство девушки и гибель героя - в ленте "На последнем дыхании". Город будущего, которым правит электронный мозг: разрушив его, жителям города приходится заново учить слово "любовь" - это лента "Альвавил", не только беззаботная фантастика, но и вдумчивая сатира на тоталитарное общество. Два дебила вербуются на войну, деловито воюют и

где друг друга в бешеном темпе сменяют кадры киностежок, работа у конвейера, споры, когда говорят все одновременно, у не посвященного может и пропасть мотив польских диссидентов, нашедших временное пристанище во Франции во время военного положения на родине ("Страсть"). Или более ранний "Уик-энд", его материал еще кое-как объединя-

етическим безумствам Годара, бывшего для нас запретным плодом, - отсюда и эти, возможно, наивные опасения. На многих кинематографистов имел влияние специфический, коллажный киноязык этого мастера. Ему абсолютно чуждо литературное мышление, он мыслит образами, монтируемыми скачкообразно, под стать нервному ритму современной жизни.

Раздражающий, провокационный стиль Годара, естественно, - преднамеренный. Он созвучен нашему каждодневному бегу "на последнем дыхании", нашему разорванному сознанию, пытающемуся как-то отменить безнадежность существования, ведущего нас - рывками - то в политику, то в секс, то просто в фантазию. Это как бы кинематографический черновик и нашей с вами духовной жизни, улы, лишенной высокой гармонии. Чтобы понять это, при просмотре фильмов Годара неплохо бы отбросить привычный нам анализ и просто довериться образу. Без напряжения, без ненужного шифровки - только так можно постичь трудную красоту внутренне близких каждому современнику кинообразов Годара, некогда так пленивших строгого ценителя Луи Арагона.

Саулюс МАЦАЙТИС.

Кино "Что такое искусство?... - Жан-Люк Годар"

кой указке, вызывало ответный гнев. Не только у соотечественников. В бывшем Советском Союзе чиновники от кино постарались, чтобы ни один фильм этого мятежника не появился на наших экранах, имя Годара как "нигилиста", "левацкого интеллигента" постоянно мешала с грязью советская пресса. Одновременно ему вменялось в вину формалистическое трюкачество.

Это требует оговорок. Годар - что видно и по данной программе - весьма разный. В некоторых фильмах еще прослеживаются простейшие сюжетные связи. Встреча двух героев, внезапно вспыхнувшая любовь, предатель-

в финале возвращаются к своим подружкам с чемоданами трофеев, а там - одни открытки, но какие! Эйфелева башня, Московский Кремль, статуя Свободы - все они оказались среди трофеев дебильных карабинеров. Фильм так и называется - "Карабинеры", и его можно определить как едкую антивоенную притчу в брехтовском духе...

Но если совершенно неподготовленный зритель сразу попадет на "позднего Годара" (из таких в Вильнюсе идут "Страсть" и "Имя - Кармен", "Детектив" и "Опасность справа", "Германия, год нулевой" и "Новая волна"), он наверняка будет озадачен. Скажем, в обрывках эпизодов и кадров,

ет иронически трактованный мотив воскресной дороги, но врезающиеся в него длинные тексты - то рассказ героини о какой-то оргии, то проповедь негров-мусорщиков, то пылкая речь невесте откуда в современном фильме появившегося якобинца - не собьют ли они с толку зрителя, воспитанного на традиционном кино, позволят ли ему ощутить иронию финала, когда захваченная в плен некими "партизанами" героиня аппетитно обгладывает... косточку своего спутника? "Фильм, найденный на свалке" - не будет ли прочитан этот шутильный подзаголовок прямолинейно?

Мир давно уже привык к эс-

Жюльетт Вильнюс - Вильнюс - 1992 - 28 апр. - с. 4